

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

К 60-летию со дня рождения автора

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ

**КУЛЬТУРА:
ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ**

**Москва
НАУКА
2014**

Д. С. ЛИХАЧЕВ — ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬ*

Просветитель — ярчайшая общественная ипостась академика Д. С. Лихачева. Он был убежден в том, что наука и культура должны стать органичной частью жизни общества, определяя сознание, служа гуманистическим идеалам. Его труды проникнуты верой в существование особой миссии российской интеллигенции. Вместе с тем в его деятельности прослеживается приверженность идеям и принципам европейского Просвещения.

Д. С. Лихачев, по существу, предвосхитил просветительство зарождающейся эпохи глобальной культуры. Он синтезировал блок научных оснований, объединяющий разные в плане исторического контекста идеи, и новый тип методик, интегрирующих европейский рационализм и яркую нравственную ориентацию отечественных радетелей образования.

Библиография трудов Д. С. Лихачева поражает интенсивностью их публикации и масштабностью проблематики. Здесь и сугубо исследовательские работы, и научно-популярные статьи, и очерки, выступления, интервью. Всюду утверждается значимость, непреходящая ценность древнерусского культурного наследия, отстаивается необходимость сохранения памятников истории и архитектуры, развития «малых городов», ведется проповедь добра [1].

О просветительской работе Д. С. Лихачева немало писали коллеги ученого по Пушкинскому Дому. Например, ее фактология была затронута в материале С. О. Шмидта «Д. С. Лихачев и практика сохранения историко-культурного наследия России». Эта публикация, как и другие многочисленные заметки мемуарного характера, может послужить материалом для научного осмысления [2].

Как известно, термин «*просвещение*» в современном русском языке может означать два разных понятия: вид человеческой деятельности (просветительство) и конкретную эпоху европейской истории (Просвещение). *Просветительство* было свойственно различным эпохам. Основное его назначение, главная функция — распространение опыта

* Печатается по тексту статьи в журнале «Педагогика» (2007): см. № 72 Библиографического указателя.

и знаний. О нем говорят, характеризуя культурно-познавательную и научно-образовательную активность государственных структур, общественных движений и групп, отдельных личностей.

Различают просветительство научно-популярное и духовно-нравственного характера. Первое представляет собой передачу знаний о достижениях науки и техники, о сущности философско-мировоззренческих учений, адаптированных к тому, что принято называть «средним уровнем образованности» человека, и т. д. Целью второго является духовное преобразование личности сообразно определенному нравственному идеалу.

Просвещение (XVIII в.) характеризуется рядом особенностей: энциклопедизмом, антропоцентризмом, антиметафизичностью, «общечеловечностью» и т. д. Общим местом сегодня стало его понимание как рационалистического типа культуры, в основе которого — утверждение определяющей роли человеческого разума, противопоставленного религиозному культу. Как историческая эпоха, оно отличается критическим отношением к действительности, стремлением к переустройству, совершенствованию мира.

Наука, знание, образование в эту эпоху ценились лишь постольку, поскольку они в конечном счете оказывались полезны. Исходной и главной аксиологической установкой этого времени становится антропоцентризм, а важнейшей составной частью просветительской доктрины — антропология — учение о человеке. Философия приобретает антиметафизичность и практическую направленность, будучи неразрывно связанной с политикой, юриспруденцией, практикой общественной жизни. Фундаментальные категории идеологии — свобода и равенство [3]. Деятели Просвещения намеревались «открыть человечеству дорогу к лучшему будущему, построить разумное общество на основах добра и справедливости», однако им суждено было сыграть несколько иную роль в истории культуры, ибо «чем логичней стремились быть писатели и философы, тем иррациональней становилась жизнь, творчество, теории» [4].

Состоялась ли эпоха Просвещения в России и наследовал ли ей Дмитрий Лихачев? Исследователь В. Ф. Пустарнаков отвечает на этот вопрос положительно и, говоря о времени русского Просвещения, указывает на период 1840–1860-х годов, наиболее точно соответствующий классической французской модели. С долей условности можно сказать, что предьстория русского Просвещения началась на рубеже XVII–XVIII веков. Тогда в России появились первые буржуазные идеи в духе ренессансно-гуманистических концепций общественной мысли Франции (естественного права, общественного договора, просвещенного абсолютизма) и классической философской рационалистической метафизики XVII века. В данном контексте интересна также вторая половина XVIII века, когда в Россию стали проникать сочинения и идеи классиков западноевропейского Просвещения — Локка, Монтескье, Гельвеция,

Гольбаха, Дидро, Руссо, «оказавших в той или иной степени влияние на все основные течения тогдашней русской мысли вплоть до официальной идеологии самодержавия (Екатерина II)» [5].

Наиболее ярким деятелем отечественного Просвещения считается А. И. Герцен. Преодолев изначальную двойственность своих устремлений к «дневному свету» разума и к «лунному свету мистического откровения» [6], то есть противоречие рационалистически-просветительского и религиозно-романтического начал, Герцен переходит в конце 1830-х годов на западнические позиции, а точнее — на позиции Просвещения. Типичный для Просвещения лозунг «Да здравствует разум!», установка на то, чтобы все понять, все осмыслить «через горнило сознания», стали основой его деятельности. Особенно отчетливо соответствующие воззрения А. И. Герцена проявились в его трактовках таких проблем, как: великое единство развития рода человеческого; Восток–Азия–Запад, Европа–Россия; личность как вершина исторического мира, разумный эгоизм. В эти годы Герцен активно использует типичную для Просвещения терминологию: «естественное–неестественное», «искусственное» и т. д.

Существенно ранее западно-ориентированного российского просветительства, а затем одновременно с ним развивается сугубо отечественная традиция, связанная прежде всего с проповеднической деятельностью. Первым в ряду деятелей этого направления следует назвать преподавателя Сергия Радонежского. Д. С. Лихачев отмечал: «“Горнего града гражданин и высшего Иерусалима жители” Сергей Радонежский постоянно вмешивается в политическую жизнь Руси. Сергей пользуется своим нравственным авторитетом для поддержки великого князя Московского. По одному его слову, чтобы оказать давление на нижегородцев, затворяют все церкви в Нижнем Новгороде. Он подчиняет политике Москвы Рязанское княжество. Он благословляет Дмитрия Донского на борьбу с Ордой за независимость Руси» [7].

Сергий Радонежский — крупная духовная фигура отечественной истории. Именно игумену Радонежскому принадлежит утверждение на Руси новой идеи личности, отражающей гуманистический дух русского Предвозрождения, — которое было столь непохоже на западное, хотя во многом с ним и перекликалось. *Главный смысл этой новой идеи личности заключался в обожествлении человека и мира — в возвышении человека, в признании его духовного величия.* Так воплотилась глубокая вера в неиссякаемые возможности человека, выраженная в стилистике мышления того времени. Духовная деятельность Сергия Радонежского сформировала целую эпоху отечественной культуры. Известный русский философ Г. П. Федотов писал: «От мистики до политики огромный шаг, но преп. Сергий сделал его, как сделал шаг от отшельничества к обществу, отдавая свое духовное благо для братьев своих, для русской

земли... Преп. Сергий... представляется нам гармоническим выразителем русского идеала святости, несмотря на заострение обоих полярных концов ее: мистического и политического. Мистик и политик, отшельник и кинобит совместились в его благодатной полноте» [8]. В лице Сергия российская культура получила тип *просветителя-проповедника духовного служения*, основу которого составили идеи любви к ближнему, милосердия, терпимости, мирскости и соборности, уважения к светской и религиозной власти и т. п.

Другим примером русского просветителя-проповедника можно назвать митрополита Антония Сурожского — одного из замечательных мыслителей современности. Будучи экзархом Московского патриарха для Западной Европы, он являлся совершенно русским человеком по интересам и стилю мышления. Его труды объединены темой духовного бытия человека, его веры и призвания. Рассматривая философско-нравственные проблемы жизни и творчества, размышляя о наиболее сложных вопросах духовности в наше время, этот церковный деятель привнес в постиндустриальную эпоху новое, свежее миропонимание, широтой своей объемлющее множество аспектов современной жизни и приводящее их к гармонии. Не имея богословского образования, он стал одним из наиболее авторитетных православных мыслителей мира, почетным доктором двух университетов и двух православных духовных академий [9].

Отечественная история свидетельствует, что русских просветителей объединяли прежде всего энциклопедическая образованность, стремление создать целостный образ современного им мира, наиболее просто и ясно обрисовать своей аудитории открывающиеся перед человеком пути взращивания в себе Человеческого начала, пути к свету знания. Подобная миссия не могла быть реализована на основе узкопрофессионального знания. Она требовала синтетичности, обращения ко многим областям знаний, объединяемого одной центральной идеей.

Отечественное просветительство — это просветительство прежде всего экзистенциальное, человеческое. Оно предполагает доверительность беседы, прямое общение личностей. Важная его грань — передача нравственного опыта, соотнесение его с важнейшими реалиями современной жизни. Это — мужество, свобода, корректная критичность в отношении к современной культуре, политике, образу жизни, интерес к передовым тенденциям развития научного знания. Русский просветитель несет умение актуализировать важную идею, используя широкий пласт исторического материала, опираясь на богатейший опыт предшественников.

Именно таким просветителем и был Дмитрий Сергеевич Лихачев. Он обладал глубоким знанием русской литературы и русской культуры в целом, что позволяло ему выявлять национально значимые идеи и традиции, ценности и представления, сопоставлять и анализировать их. Такой

опыт формировал «исторически поставленное» зрение, открывал возможности увидеть и выявить наиболее продуктивные и прогрессивные идеи для нашей современности и найти им актуальную форму.

Историк А. Зимин пишет, что в «своей культурно-цивилизационной истории *русский мир освоил опыт по крайней мере двух типов просвещения*. Первый из них, следуя традиции, можно и должно назвать религиозным. Вторым — *светским*, научно-философским. Оба типа, как правило, сопутствовали, обогащая друг друга, но были в отечественной истории и периоды, когда светское просвещение практически растворялось в... *секуляризации*» [10].

Примеры Сергия Радонежского и Антония Сурожского показывают, что просветительская деятельность на Руси нередко обретала проповеднический характер. *Проповедь* — *прямое обращение к сердцу слушателей, несущее в себе веру*, стремление не столько обогатить их новыми знаниями и фактами, сколько передать им определенные идеи, настроения, внушить убеждения, способные стать их нравственной «собственностью», направлять душевные устремления к Добру. Проповедь — это откровение авторитетной личности, порожденное стремлением указать собеседнику путь личного совершенствования и обретения верной жизненной позиции в сложных обстоятельствах. Проповедническая деятельность — это творчество, целью которого является более гармоничное устройство внутренней жизни слушателя, обретение им подлинной связи с обществом, поддержка человека в его наиболее возвышенных устремлениях.

В советский период по мере формализации культурной жизни общества эта традиция была во многом утеряна. Лихачев вернул русскому просветительству эмоциональность и убедительность проповеди, доверие к Слову, основательно подорванное в предшествующие десятилетия бюрократившимися идеологическими структурами, официозной газетно-журнальной пропагандой, зачитывающими свои выступления по бумажке «вождями» и «лекторами» разного уровня. Д. С. Лихачев вернул просветительству реальную силу, воздействующую на умы и души сограждан. В итоге мировую славу и известность Дмитрия Сергеевича составили не только научная деятельность и защита памятников истории и культуры, но и «этническая проповедь в средствах массовой информации, принесшая ему доверие, популярность и авторитет» [11].

С одной стороны, авторитет Дмитрия Сергеевича в обществе основывался на общеизвестном статусе ученого и интуитивно ощущаемой народом его принадлежности к великой российской культуре. Он выступал как бы от имени Культуры и Знания. Академик воплощал собой европейскую линию национального просветительства, органично вбирающую в себя антропоцентричность, энциклопедичность, интеллектуальную независимость. С другой стороны, лихачевские тексты и выступления стали воплощением Веры, оказались неразрывно связаны

с духовно-творческой традицией русского просветительства, которая по сути, а нередко и по форме была проповеднической деятельностью. Таким образом, в просветительской деятельности Дмитрия Сергеевича знание не только сочеталось с четким этическим и нравственным самоопределением, но и усиливалось убежденностью, верой в исповедуемые ценности и идеалы.

В связи с этим нельзя не упомянуть интересный и до сих пор не объяснимый эпизод из биографии Д. С. Лихачева. К его 90-летию один из бывших сослуживцев, к тому же считавший себя чуть ли не его учеником, Д. М. Буланин, опубликовал статью, в которой назвал академика наставником, Учителем жизни, проповедником [12]. Автор этого текста считал свой труд комплиментарным. Лихачев же возразил Буланину, причем весьма жестко. Оказалось, что сам Дмитрий Сергеевич категорически против такого понимания его деятельности: «Все мои статьи имеют не “проповедническую” цель, а являются определенными *поступками* в борьбе за сохранение культуры» [13].

Еще ранее Д. С. Лихачев писал: Я ведь не пророк и не проповедник, хотя убеждать и призывать в последние годы приходится часто» [14]. Таким образом, возражения Д. М. Буланину заключались в противопоставлении проповеди и действия, поступка. Однако из работ Дмитрия Сергеевича вытекало, что в ряде случаев слово тоже может являться делом, поступком. И если Д. М. Буланин высказывался о проповеди как о бесполезном деле («Я не собираюсь обсуждать относительные достоинства нравственного учения Лихачева, и тем более эффективность его проповеди. Последнее — вообще бесполезное дело: удивительное нежелание человечества перевоспитываться не остановило еще ни одного проповедника» [15]), то это вызывает лишь удивление, тем более что откровенно иронизирующий в данных строках Буланин противоречил своим же тезисам из другой части этой работы.

Видимо, негативную реакцию академика вызвал не столько текст Д. М. Буланина (хотя и текст этот при внимательном прочтении выглядит, возможно, недопустимо неуважительным), сколько подтекст или контекст дискуссии, лежащий, разумеется, вне статьи. Между тем понятие «проповедник» никогда не несло в русском языке сколь-нибудь негативного оттенка и не вступает по смыслу в противоречие с широко известными проявлениями духовных и практических устремлений Д. С. Лихачева, глубинной сутью его обращений к обществу. «Проповедовать — говорить всенародно, возвещать, провозглашать; поучать, взывать к слушателям речью, убеждая и наставляя», — так зафиксировано в словаре Владимира Даля. Проповедь, издавна понимаемая как жанр церковного ораторского искусства, часто трактуется сегодня вполне в светском духе, как этическая устремленность, как духовное поучение, как экзистенциальная категория.

В проповеди принято выделять несколько аспектов. Во-первых, глоссолалию — то есть способность знать и говорить то, что неведомо другим; во-вторых, пророческий аспект — то есть пророчество, предсказание о будущем; и, в-третьих, аспект дидактический, связанный с духовным поучением [16]. Дмитрий Сергеевич, безусловно, был в ряде отношений уникальным носителем знания. В первую очередь — знания о России, ее истории и культуре. Кроме того, просветительство Лихачева сближается с проповедничеством и своим стремлением к наставлению современников в русле приобщения к миру исторических традиций и гуманистических идеалов. Ведь смысл проповеди — прежде всего в утверждении нравственного начала в человеке.

Особенность лихачевского просветительства заключается в том, что для него нравственная составляющая является, во-первых, одним из ключевых аспектов анализа истории русской культуры, литературы, искусства, во-вторых, выступает как императив общественно-просветительских устремлений. И в этом аспекте его просветительство приобретает характер проповедничества, утверждения в форме проповеди гуманистических ценностей культуры.

«Благодаря нравственному началу, которое заключено в древней русской литературе, — пишет академик, — ее значение чрезвычайно велико именно сейчас. Любовь к Родине, патриотизм также воспитывается на этом “укорочении расстояний”, на представлениях о конкретных живых людях, конкретном родном пейзаже, близком ощущении прошлого как своего прошлого, своей старины» [17].

По мнению Дмитрия Сергеевича, «ценности русской литературы своеобразны в том отношении, что их художественная сила лежит в тесной связи с ее нравственными ценностями. Русская литература — совесть русского народа. Она носит при этом открытый характер по отношению к другим литературам человечества. Она теснейшим образом связана с жизнью, действительностью, сознанием ценности человека самого по себе, русская литература (проза, поэзия драматургия) — это и есть русская философия, и русская особенность творческого самовыражения, и русская всечеловечность» [18]. Предназначение литературы выражается в способности быть внутренне созидательным началом создания духовного мира человека, — началом, к которому «мы всегда можем обратиться за духовной помощью» [19].

Свои нравственно-просветительские идеи Дмитрий Сергеевич реализовывал на практике в первую очередь в соответствующих возглавляемых им издательских проектах. В 1969 году в книжной серии «Библиотека всемирной литературы» вышел том, посвященный древнерусской литературе, — «Изборник» [20]. Оригинальность этого издания заключалась в том, что в нем «впервые было предложено издавать тексты билингвой, когда на левых нечетных страницах издания вы читали

оригинальный древнерусский текст, а на правых — его перевод на современный русский язык. Это была первая ласточка, которая определила судьбу последующих изданий» [21]. Это лишь один из примеров постоянного стремления Лихачева сделать памятники культуры, результаты научных исследований максимально доступными широкой аудитории.

Популяризацию же древнерусского литературного и культурного наследия он считал делом своей личной, персональной ответственности. В одном только 1986 году вышло восемь различных изданий «Слова...», подготовленных при участии (перевод, редактирование, вступительные статьи) Дмитрия Сергеевича, и несколько статей самого Лихачева об этом выдающемся произведении древности. Великая заслуга академика перед Россией заключается не только в том, что он поднял на следующую ступень развития академическую научную школу медиевистики, но и в придании древнерусскому литературному наследию новой жизни в сознании современных ему поколений соотечественников. Во многом благодаря Лихачеву страна переосмыслила, иначе осознала ценность и величие своих древних культурных корней. Его переводы и комментарии к произведениям древнерусской литературы («Повести временных лет», «Слову о полку Игореве», «Поучению Владимира Мономаха» и многим другим) приблизили к нам далекий мир древности, ввели читателя в пространство чувствований и переживаний средневекового русича.

В конце 1970-х годов Дмитрий Сергеевич предложил издавать книжную серию «Памятники литературы Древней Руси». Всего было задумано 12 томов и последний из них вышел в 1994 году. Эта серия была удостоена Государственной премии. А Лихачев предложил уже 20-томный проект «Библиотеки литературы Древней Руси», который, по словам Н. В. Поньрко, мыслился как книжная серия для всех россиян. «Это издание рассчитано и на людей, не связанных с наукой, именно для них и существует перевод на современный русский язык. <...> Дмитрий Сергеевич надеялся, что эта серия будет еще и обучать читателя, который не в состоянии обойтись без правой страницы с переводом. Читатель, в котором еще существует генетическое ощущение языка, при подсказке этих правых страниц очень легко начинает понимать древнерусскую речь, сопоставляя тексты, оригинал и его перевод. И эта подсказка воспитывает ощущение человека в истории и возможность восприятия этих произведений совершенно на другом уровне» [22].

Представляется немаловажным обратиться к пониманию Лихачевым особенностей развития национальных образовательно-просветительских традиций в России. Размышляя над проблемами развития страны, ученый отмечает, что при несомненном подъеме искусства, архитектуры, фольклора Русь до XIX века явно отставала от западных стран в сфере

науки и философии «в западном смысле этого слова». Причину тому ученый видит в слишком долгом «отсутствии на Руси университетов и вообще высшего школьного образования» [23]. Отсюда, по Лихачеву, — и «многие отрицательные явления в русской жизни... Созданный в XIX и XX веках университетски образованный слой общества оказался слишком тонким. К тому же этот университетски образованный слой не сумел возбудить к себе необходимого уважения. Пронизавшее русское общество народничество, преклонение перед народом, способствовало падению авторитета. Народ, принадлежавший к иному типу культуры, увидел в университетской интеллигенции что-то ложное, нечто себе чужое и даже враждебное» [24].

Ученый раскрывает здесь важный в просветительском контексте аспект — противоречие между наукой как формой отвлеченного знания, как видом деятельности, требующей образованности, критичности, независимости, в конечном счете индивидуальности, — и живым обыденным знанием, бытующим в народных массах. Трудности демократизации науки, распространения знаний в обществе мучительно переживались классической русской интеллигенцией рубежа XIX–XX веков. Заботясь о просвещении масс, интеллигенция стремилась распространять научные знания в обществе таким образом, чтобы ясность и доступность изложения приводили к глубине и точности постижения, но результаты не всегда обнадеживали.

Сам Д. С. Лихачев способ понятия этого противоречия видел в *синтезе научных и просветительных начал*, когда знание выступает одновременно и как результат научных изысканий Истины, и как потребность донести ее до массового сознания. Характерно, что его «Текстология» была издана в начале 1960-х годов в двух вариантах — как фундаментальная монография для специалистов и в качестве научно-популярного очерка [25]. Другой фундаментальный научный труд Д. С. Лихачева «Поэтика древнерусской литературы», опубликованный в 1967 году [26], «стали читать все интеллигентные люди нашего времени». Н. В. Поньрко отмечает, что это «был своего рода интеллектуальный бестселлер. Ее цитировали, потому что этот академический труд был написан прекрасным языком и с точки зрения человека, глядящего из современности в прошлое» [27].

Манера письма, стиль в немалой степени способствовали популяризации идей Дмитрия Сергеевича. Об этом хорошо пишет А. А. Гусейнов в комментариях к избранным трудам Д. С. Лихачева по русской и мировой культуре: «ясность языка, еще больше свободная, эссеистская манера рассуждения. Автор часто апеллирует к личным наблюдениям, к конкретным узнаваемым фактам и произведениям, непринужденно переходит от предмета к предмету; он пишет так, будто ведет необязательную беседу. Вся эта мозаика на первый взгляд случайных фактов,

воспоминаний, ассоциаций складывается в стройную картину, организованную вокруг определенной идеи, в результате чего последняя предстает не в голом виде последовательного логического рассуждения, а в качестве одухотворяющей основы самой жизни. И все-таки особая привлекательность и злободневность текстов заключена не в их эстетическом строе, не в стиле и манере, а в содержании идей. Лихачев говорит вещи, которые не могут не волновать думающего человека, интересующегося русской культурой. И говорит так, словно хочет прояснить читателю то, что тот сам смутно чувствует. И задача читателя в этом случае скорее распознать истину, чем узнать ее» [28].

Характерно, что труды Д. С. Лихачева, посвященные русскому языку, включают не только лингвистический, но и просветительский аспект. Известна активность академика, с которой он страстно выступал в защиту чистоты русского языка, разъясняя своим читателям языковые нормы, объясняя происхождение слов и их первоначальные значения, помогая понять важность правильной речи и литературного письма. Язык, по Лихачеву, — это «самая большая ценность народа... Это надо понять досконально, во всей многозначности и многозначительности этого факта» [29]. Тысячелетняя история литературы и письменности превращает языковую память в мощную нравственную и просветительную силу. Однако выразительный потенциал языка может обедняться, язык — упрощаться и даже сознательно искажаться. И тогда на первый план выходит необходимость повышения языковой культуры.

В работе «О языке устном и письменном, старом и новом» Дмитрий Сергеевич формулирует требования к научному тексту, озаглавленные им «О хорошем языке научной работы». Позволим себе привести некоторые из них:

— Хороший язык научной работы не замечается читателем. Читатель должен замечать только мысль, но не язык, каким мысль выражена.

— Главное достоинство научного языка — ясность. Другое достоинство научного языка — легкость, краткость, свобода переходов от предложения к предложению, простота.

— Придаточных предложений должно быть мало. Фразы должны быть короткие, переход от одной фразы к другой — логическим и естественным, «незамечаемым».

— Каждую написанную фразу следует проверять на слух; надо прочитывать написанное вслух для себя.

— Следует поменьше употреблять местоимения, заставляющие думать — к чему они относятся, что они «заменяли».

Не следует бояться повторов, механически от них избавляться. То или иное понятие должно называться одним словом (слово в научном языке всегда термин). Избегайте только тех повторов, которые приходят от бедности языка [30].

В проблематике языковой культуры Дмитрия Сергеевича особо волновало явление, названное им «психологией сознательной порчи языка». В 1964 году увидела свет его статья «Арготические слова профессиональной речи», написанная еще в 1938 году [31]. В ней ученый объясняет проявление экспрессивных выражений в языке тех или иных профессий. Длительная пауза между написанием работы и ее публикацией огорчала Лихачева в первую очередь тем, что положения статьи «не используются практически в воспитательной работе. На нее как-то не обратили внимания, а я сам придаю ей серьезное значение» [32].

Приведем интересный эпизод из жизни Пушкинского Дома. О. В. Панченко вспоминал, что когда он впервые вошел в Отдел древнерусской литературы в 1988 году, то на доске объявлений увидел лихачевский список запрещаемых для употребления в «Трудах Отдела древнерусской литературы» слов и выражений. В качестве таковых значились: «абсолютно», «уникально», «впечатляющий», «волнительно», «сказать ниже», «информация» и др. Сотрудникам предлагалось список дополнять. Среди слов, добавленных в «Список Лихачева» его коллегами, оказались: «судьбоносный», «потрясающий», «практически невозможно», «обговорить», «задумка», «морально-нравственный» и др. Рядом с этим приказом висело еще одно «распоряжение», в котором Дмитрий Сергеевич в шутливо-назидательном тоне рекомендовал своим сотрудникам посетить выставку Казимира Малевича в Русском музее [33].

В ряде случаев просветительская миссия Лихачева реализовывалась в ходе конфликта с властями, когда ученый боролся с губительными для культуры невежественными решениями. Оппонируя авторам проекта «реконструкции» Екатерининского парка, Лихачев писал, что этот проект «губителен и беспомощен даже с чисто архитектурной точки зрения... Нельзя и бессмысленно возвращать парк к одному какому-либо периоду: петровскому, елизаветинскому, екатерининскому...» Ибо в итоге утрачивается то, что Лихачев назвал «мемориальной достоверностью» [34]. Д. А. Гранин вспоминает: «В 60-е годы возникла идея перестройки Невского проспекта... Перестройка была намечена основательная. Нижние этажи всех домов предлагалось соединить в одну общую витрину, создать особое пространство, сделать его пешеходной зоной... Дмитрий Сергеевич выступил с речью. Это была блестящая речь. Он доказал, что перестройка Невского губительна для всей культуры. <...> Так начались его выступления — в защиту Екатерининского парка в Пушкине, Петергофского парка. С тех пор он стал препятствием для ленинградских властей, для всех невежественных, корыстных проектов. Во-круг него объединялась общественность» [35].

Добиваться успеха удавалось не всегда. Д. С. Лихачев рассказывал об ущербе, нанесенном Невскому проспекту: «Портик Руска очень

важен именно на этом месте, потому что он прямой перспективой связан с портиком Русского музея, в этом и был градостроительный замысел Руска. <...> Через некоторое время портик Руска был разрушен (под предлогом строительства станции метро. — *Авт.*), а на все последующие недоумения главный архитектор отвечал: «А мы его и не разрушали. Мы его разобрали, мы его и восстановим». И действительно — восстановили... Внешне он как будто бы такой же, а все-таки колонны — не те. Кроме того, портик отнесен на несколько метров назад, и это уже меняет перспективу: исчезает противостояние Русскому музею. Вторжение в сложившийся архитектурный ансамбль нанесло ущерб Невскому проспекту. <...> Вроде бы горький опыт должен был бы научить нас бережно относиться к культуре прошлого, к природе — беречь малый мир и большой мир, в которых мы живем и которые теснейшим образом взаимосвязаны. И вроде бы он чему-то нас научил... Но — научил ли?» [36]. Власть училась плохо, а вот интеллигенция сплывалась вокруг Дмитрия Сергеевича.

Практическая направленность просветительской деятельности была характерна для Д. С. Лихачева с первых шагов в науке. В далекие 1940-е годы, в блокадное время, преодолевая невероятные лишения, ученый усердно занимается научной работой. Осенью 1942 года вышла книга, написанная им в соавторстве с археологом М. А. Тихановой для солдат, находящихся в окопах. Лихачев вспоминал: «Мы отправились в Смольный. ... В Смольном густо пахло столовой. Люди имели сытый вид. Нас приняла женщина. Она была полной, здоровой. А у меня дрожали ноги от подъема по лестнице. Книгу она заказывала нам с каким-то феноменально быстрым сроком... Мы согласились. И в мае (1942 г. — *Авт.*) наша книжка “Оборона древнерусских городов” была готова... Писалось, помню, хорошо — дистрофия на работе мозга не сказывалась» [37].

Большое просветительное значение имели публичные выступления Д. С. Лихачева в прессе, на радио и телевидении. Они по-своему дополняли такие его печатные труды, как «Письма о добром», «Заметки о русском» и многие другие, направленные прежде всего на восстановление культурной преемственности поколений, во многом прерванной в 1917 году. Лихачеву приходилось обращаться практически ко всем: и к юношеству, впервые обдумывающему проблемы вечных ценностей и истин, и к умудренным опытом людям, анализирующим прожитое. Многим из его слушателей передавались представления о богатстве и красоте русской духовности через краткие рассказы-собеседования о сюжетах, образах, памятниках отечественной истории, о запомнившихся эпизодах и событиях личной жизни Дмитрия Сергеевича.

Даниил Гранин вспоминает: «Благодаря телевидению Лихачев стал широко известен. Он вводил нас в мир высокой русской культуры

и полузабытых ценностей жизни. Это была душевная среда, пронизанная деликатностью, учтивостью, которые стали неотъемлемым правилом его собственного поведения» [38]. Этим во многом объяснялись личная популярность и общественная востребованность академика, особенно — в «смутное» время на рубеже 1980–1990-х годов.

Просветительские устремления Лихачева неотделимы от его размышлений о смысле и предназначении русской интеллигенции. *Образ интеллигента*, воссоздаваемый Дмитрием Сергеевичем в его трудах и устных выступлениях, был его личным идеалом просветителя.

Безусловно, академика правомерно считать продолжателем традиции отечественного просветительства, которое всегда сопровождалось мучительными духовными поисками и было согрето теплом живой человечности. Знание в этой традиции подвергалось нравственной оценке и рассматривалось в контексте Добра и Зла: не просто Разум, а добрый Разум, не просто знание и осведомленность, а знание ради Добра, знание, несущее в себе ценностную компоненту. Закономерно, что одна из его главных книг называется «Письма о добром».

Эта сторона деятельности ученого была осмыслена профессором СПбГУП А. В. Соколовым в недавней монографии «Интеллигенты и интеллектуалы в российской истории». На основании обращения к научному и публицистическому наследию академика Аркадий Васильевич предлагает включить в компоненты модели идеального русского интеллигента (по эскизу академика Лихачева) этическое самоопределение: а) совестливость, честность, правдивость; б) толерантность, осуждение насилия и террора; в) благоговение перед культурой, приобщенность к книжной культуре, русской литературе; г) индивидуализм, самодостаточность; д) оппозиционность по отношению к деспотичной власти [39]. Этическое самоопределение, духовно-нравственная составляющая определяют не только смысл и направленность лихачевского просветительства, но и шире — его научную методологию, суть философско-культурологических воззрений, в которых нравственная доминанта занимает ключевое место.

Среди просветительских задач, которые ставил перед собой Дмитрий Сергеевич, необходимо упомянуть и утверждение в общественном сознании принципа *толерантности* — терпимости по отношению к иной культуре. «Сотрудничество, диалог и взаимопонимание народов мира являются залогом справедливости и демократии, условием предотвращения международных и межэтнических конфликтов, насилия и войн», — писал он в «Декларации прав культуры» [40].

Петербургская тема была одной из главных в просветительской деятельности Д. С. Лихачева. Он заново открывал Петербург современникам, обращая внимание не только на внешнюю красоту, но и на «душу» этого города [41].

Примечания

1. *Лихачев Д. С.* Я вспоминаю... М., 1991 ; *Он же.* Русское искусство от древности до авангарда. М., 1992 ; *Он же.* Письма о добром. СПб., 1999 ; и др.
2. *Шмидт С. О.* Д. С. Лихачев и практика сохранения историко-культурного наследия России // Проблемы сохранения и изучения культурного наследия: К 100-летию академика Д. С. Лихачева : материалы науч. сессии Отд-ния ист.-филол. наук РАН, 20 декабря 2006 г. / отв. ред. А. П. Деревянко. М., 2006. С. 10–25 ; *Бирженюк Г. М.* Д. С. Лихачев как просветитель // Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева : II Междунар. Лихачевские науч. чтения, 23–24 мая 2002 г. СПб., 2003. С. 23–27.
3. *Пустарнаков В. Ф.* Философия Просвещения в России и во Франции: опыт сравнительного анализа / Ин-т философии РАН. М., 2002.
4. *Строев А.* «Те, кто поправляет Фортуну»: авантюристы Просвещения. М., 1998. С. 5.
5. *Пустарнаков В. Ф.* Указ. соч. С. 143–144.
6. Цит. по: Там же. С. 201.
7. *Лихачев Д. С.* Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб., 2006. С. 101.
8. *Федотов Г. П.* Святые Древней Руси. М., 1990. С. 151–152.
9. *Епископ Керченский Иларион (Алфеев).* Богословие митрополита Сурожского Антония в свете святоотеческого Предания. URL: <http://www.metropolitan-anthony.org.ru/biograf.htm> (дата обращения: 26.11.2010).
10. *Зимин А.* О двух типах просвещения на Руси // Высшее образование в России. 1997. № 2. С. 86.
11. *Соколов А. В.* Интеллигенты и интеллектуалы в российской истории. СПб., 2007. С. 324.
12. *Буланин Д. М.* Эпилог к истории русской интеллигенции: три юбилея. СПб., 2005. С. 20.
13. По поводу статьи Д. М. Буланина о Д. С. Лихачеве (Русская литература. 1997. № 1) // Звезда. 1998. № 3. С. 237 ; *Лихачев Д. С.* Проповедь или поступок? Ответ на юбилейное послание Д. М. Буланина // Русская литература. 1998. № 2. С. 212–213.
14. *Лихачев Д. С.* Я вспоминаю... М., 1991. С. 143.
15. *Буланин Д. М.* Указ. соч. С. 21.
16. Энциклопедия литературных понятий и терминов. М., 2004. С. 435.
17. *Лихачев Д. С.* Русская культура Нового времени и Древняя Русь // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 190.
18. *Лихачев Д. С.* Русская культура в современном мире // Там же. С. 205.
19. Там же.
20. Изборник. Сборник произведений литературы Древней Руси. М., 1969. (Б-ка всемирной литературы. Сер. первая ; Т. 15).
21. *Поньрко Н. В.* Д. С. Лихачев — научный вдохновитель и издатель книжной серии «Библиотека литературы Древней Руси» // Образование в процессе

гуманизации современного мира : IV Междунар. Лихачевские науч. чтения, 20–21 мая 2004 г. СПб., 2004. С. 20.

22. Там же.
23. *Лихачев Д. С.* Русская культура в современном мире. С. 206.
24. Там же. С. 206–207.
25. *Лихачев Д. С.* Текстология : на материале русской литературы X–XVII веков. М. ; Л., 1964.
26. *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967.
27. *Понырко Н. В.* Указ. соч. С. 20.
28. *Гусейнов А. А., Запесоцкий А. С.* Культурология Дмитрия Лихачева : коммент. к кн. Д. С. Лихачева «Избранные труды по русской и мировой культуре». СПб., 2006. С. 28–29.
29. *Лихачев Д. С.* О языке устном и письменном, старом и новом // Лихачев Д. С. Русская культура. М., 2000. С. 355.
30. Там же. С. 357.
31. *Лихачев Д. С.* Статьи разных лет. Тверь, 1993. С. 95–138.
32. *Лихачев Д. С.* О языке устном и письменном, старом и новом. С. 367.
33. Дмитрий Лихачев и его эпоха. СПб., 2006. С. 237–239.
34. *Лихачев Д. С.* «Аллеи древних лип...» // Лихачев Д. С. Раздумья о России. СПб., 2001. С. 649.
35. Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 215.
36. *Лихачев Д. С.* Тревоги совести // Д. С. Лихачев. Я вспоминаю... С. 130–131.
37. *Лихачев Д. С.* Избранное: Воспоминания. 2-е изд. СПб., 2000. С. 504.
38. *Гранин Д. А.* Очерк из последних // Гранин Д. А. Тайный знак Петербурга. СПб., 2002. С. 335.
39. *Соколов А. В.* Указ. соч. С. 332.
40. *Лихачев Д. С.* Декларация прав культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 392.
41. *Лихачев Д. С.* Русская культура. М., 2000. С. 182.